

УДК 821.161.2.09:821.161.3.09

**УКРАИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ МАКСИМА БОГДАНОВИЧА****В. Ю. Боровко**доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

Исследование творчества украинских писателей Максимом Богдановичем было направлено на определение их этических и эстетических императивов, на позиционирование собственных представлений о творчестве и на выявление импульсов для дальнейшего развития белорусской литературы.

Ключевые слова: рецепция творчества, творческая установка писателя, этические и эстетические ценности, украинские писатели, белорусская литература.

Введение

Максим Богданович (1891–1917) – один из первых классиков белорусской литературы, чье творчество основывалось одновременно на признании большого значения художественных традиций и на смелых экспериментах, на понимании того, что полноценное развитие национальной литературы должно базироваться на опыте отечественного фольклора и наследия мирового искусства слова. М. Богданович проявлял большой интерес к украинской литературе XIX – начала XX в., достигшей определенных успехов в эстетическом освоении жизни и человека. Ради ознакомления русских читателей начала прошлого века с современной им украинской литературой он перевел на русский язык такие произведения, как новеллы “Каменщик” Ивана Франко (1856–1916), “Кленовые листочки” и “Смерть” Василя Стефаника (1871–1936). В знаменитый сборник “Венок” Богданович включил переводы на белорусский язык отдельных стихотворений Александра Олеся (1878–1944), Микола Чернявского (1868–1938), Агафангела Крымского (1871–1942). Ряд литературно-критических статей, направленных на осмысление актуальных вопросов литературного творчества, Максим Богданович посвятил украинским писателям. В отечественном литературоведении вопросы белорусско-украинских литературных связей рассматривались в работах В.П. Рагойши, Э.М. Мартыновой, Ж.С. Шалодоновой и некоторых других ученых, но, к сожалению, до сих пор нет системного изучения роли инационального контекста в становлении эстетических аксиологических установок белорусских писателей начала XX в. Цель данной статьи заключается в определении линий осмысления творчества

украинских писателей классиком белорусской литературы и в выявлении эстетических аксиологических приоритетов М. Богдановича.

Основная часть

Академик А.И. Белецкий утверждал, что особого внимания литературоведов заслуживают читатели, в том числе профессиональные читатели (прежде всего, писатели, литературные критики), определяющие истинное значение конкретного автора и его произведений, так как “всякие попытки установить эстетическую ценность литературного произведения безотносительно к вопросу о восприятии этого произведения пока терпят неудачу” [1, с. 115]. Максим Богданович принадлежал к числу вдумчивых и глубоко заинтересованных читателей украинской литературы. В отечественном словесном искусстве начала XX в. он зарекомендовал себя мастером художественного слова, ратовавшим не только за содержательность произведений, но и за совершенство их формы. По-своему парадоксально, что в центре его внимания оказались главным образом те украинские авторы, чье творчество носило ярко выраженный гражданственный характер. Так, в год юбилея Т.Г. Шевченко (1814–1861) были написаны и опубликованы две статьи – “Краса и сила”, “Памяти Т.Г. Шевченко”.

“Краса и сила” – оригинальный и перспективный в научном отношении опыт исследования стиха Шевченко. В основе этой работы лежала идея глубинной народности творчества украинского поэта, которую Богданович осмыслил на уровне поэтики. Он отмечал: “Произведения Шевченко оценивались со всевозможных точек зрения, изучались путем самых разнообразных методов, и лишь метод эстетический всегда находится в тени. Так, например, даже для анализа стиха украинского гения и выяснения средств поэтического воздействия, которыми этот стих обладает, не сделано почти ничего. Наш сжатый очерк является попыткой восполнить этот пробел” [2, с. 231]. Богданович акцентировал: “Главным формирующим началом всякого стиха, бесспорно, следует признать ритм; отвердев в своем наиболее правильном, законченном виде, он обращается в метр. Все остальные элементы стиха играют по отношению к тому и другому роль второстепенного, иной раз – чисто служебную, восполняющую, и во всяком случае могут быть поняты и оценены лишь в тесной связи с ними обоими” [2, с. 231]. У Шевченко он увидел свой подход к использованию ритмической организации произведений: “В полном соответствии с народной поэзией стихи «Кобзаря» чрезвычайно ритмичны, но не метричны” [2, с. 231]. Богданович отметил “симпатию” Шевченко к четырехстопному ямбу и семистопному хорю с цезурой после четвертой стопы, достаточ-

но распространенному в украинской поэзии. С точки зрения М. Богдановича, невыдержанность размера дает простор энергичному, стремительному, безудержному ритму: «Для стихов народного стиля метр, подчиненный ритму, является наиболее подходящим средством, и Тарас Шевченко, остановившись на нем, только лишний раз проявлял здесь свою гениальную поэтическую интуицию» [2, с. 233]. Тарас Шевченко, чередуя размеры, передавал различные эмоциональные состояния подобно тому, как это делали создатели народных песен. В поле зрения Богдановича оказалась и рифмическая организация стихотворений украинского классика. Рассмотрение ее привело к выводу, что для объективной оценки наследия любого поэта интерпретатору жизненно необходимо знание национального фольклорного и литературного контекста конкретного автора, чтобы не было курьезов, потому что «в широкой публике шевченковские ассонансы нередко считаются просто неудачными рифмами; между тем здесь в употреблении ассонансов точно так же, как и в вопросах метра, Шевченко, как мы видим, ярко проявлял и глубокую народность своей поэтической манеры, и исключительную художественную чуткость» [2, с. 237]. Максим Богданович подчеркивал «строго выдержанный и гармонический художественный стиль» Кобзаря: «Стиль же этот, наконец, был стилем национально-украинским, а поэзия Шевченко – вросшей в украинскую народную поэзию и дошедшей в некоторых своих образцах до полного отождествления с ней. Таков отливающий двумя оттенками муар: ясно видно, где один и где другой, но никогда нельзя провести между ними твердой разграничительной черты» [2, с. 240–241]. Определение специфики поэзии Шевченко в статье метафорическое: «Если допустимо такое сравнение, то я скажу, что стих Шевченко походит на освещенный изнутри китайский фонарь. У него нет блеска, сияние его мягко и ровно, но вместе с тем видишь, что внутри он полон света, и только полупрозрачная оболочка не дает этому свету хлынуть во все стороны ослепительным потоком» [2, с. 238].

Статья «Памяти Т.Г. Шевченко» – органическое продолжение предыдущей, потому что в ней продолжен разговор об основах и о значении творчества украинского писателя. Юбилей Шевченко для Богдановича – «праздник всего культурного славянства» [2, с. 242]. Белорусский автор напомнил вывод Костомарова о народности творчества Шевченко и дополнил его: «Шевченко в украинской литературе является не тем, кем был Кольцов в русской или Бернс – в английской. Нет, охват его поэзии много шире и ставит его на то место, которое в России, например, занимает Пушкин, а в Польше – Мицкевич» [2, с. 243]. Шевченко не только народный и национальный поэт, это явление международ-

ного уровня. На общечеловеческий характер творчества Тараса Шевченко указывают переводы его произведений на языки других народов мира: «Конечно, те глубоко национальные формы, в которые облечено это общечеловеческое содержание, гораздо более скажут сердцу украинца, чем человеку иной народности. Но и этому последнему Шевченко не будет чужд и непонятен, и в его душе стихи украинского поэта найдут себе отзвук, ибо под их своеобразным чеканом кроется полноценный металл духовной культуры, общей всем цивилизованным людям» [2, с. 243–244]. Тарас Шевченко для Богдановича – выдающийся поэт и человек: «В лице его мы чтим прежде всего «Божиею милостию – поэта», чей стих был полон изящной простоты, поэта, который в формах строго национальных выявил общечеловеческое содержание, заставляя читателя переживать целую гамму самых разнообразных чувств, начиная от страстного гнева и негодования и кончая чувствами любви и всепрощения. Но мы чтим Шевченко и как одного из первых представителей народной интеллигенции, и как выразителя доселе еще не вполне изжитых идеалов, с формулировкой, быть может, оспоримой, но с бесспорно ценным демократическим уклоном. Мы чтим его как человека большой идейной твердости, не сломленной целым рядом невзгод...» [2, с. 247–248]. По мнению М. Богдановича, значение поэта для его национального контекста может отличаться от значения для контекста мировой литературы: «На Украине, конечно, в иной плоскости будут рассматривать Шевченко и его творчество. На передний план выдвигнут, что это писатель, которому была суждена величественная роль сделаться символом культурной ценности целого народа, воплощением всего его духовного существа. Выйдя из недр крестьянства, он явился звеном, соединившим на Украине народ и интеллигенцию так же, как соединял в себе черты и народные, и интеллигентские» [2, с. 248]. Д.С. Лихачев справедливо заметил в одной из своих статей, что каждая эпоха раскрывает в творчестве писателя «те ценности, которые ему были потенциально и вместе с тем объективно свойственны» [3, с. 14]. М. Богданович с позиций человека начала XX в. в «Памяти Т.Г. Шевченко» подчеркнул, что ценностная шкала произведений Шевченко варьируется в зависимости от рецептивного поля, но сохраняет свой высокий идейно-художественный потенциал в глазах читателей различных поколений.

Идея народности творчества и загадка ее практического воплощения долгое время занимала Максима Богдановича. На украинском языке им была написана незаконченная статья «Забутий шлях» (1915). Богданович там констатировал, что накануне Первой мировой войны в украинском обществе наблюдалась сво-

еобразная “национализация” искусства, стороной обошедшая украинскую поэзию. Там были произведения на украинском языке, однако по форме и художественным приемам это не совсем украинские произведения. Причины такой ситуации, по утверждению М. Богдановича, кроются в том, что, с одной стороны, многие украинские авторы боялись обвинений в узком этнографизме, поэтому не искали национальные формы изображения, а с другой стороны, – в общественном мнении бытует убеждение, будто бы украинская поэзия и так проникнута народным стилем. Пафос статьи сводился к тому, что литература каждого народа может и должна предложить человечеству свои приемы воплощения национального видения мира, что национальное выявляется не только на уровне содержания произведений, но и на уровне художественных приемов, образительных средств.

Максим Богданович высоко ценил творчество Ивана Франко, обладавшего “необыкновенной работоспособностью и редким разнообразием умственных интересов” [2, с. 297]. Перед переводом “Каменщика” на русский язык Богданович поместил небольшое вступление о писателе в газете “Нижегородский листок” (1915), где указал: “По стилю своего творчества Иван Франко – реалист, по своему мировоззрению – народник. Его повести и рассказы изображают преимущественно жизнь крестьян и рабочих. Его стихотворения должны быть зачислены в архив «гражданской поэзии» – по крайней мере, лучшие из них. «Почерк письма» – если так можно выразиться – у Франко твердый, энергичный, простой, даже несколько грубоватый” [2, с. 166]. В связи со смертью Ивана Франко в “Журнале для всех” появилась статья, где М. Богданович заметил, что Франко – “один из крупнейших украинских поэтов со стихом энергичным, суровым и выразительным, и с идеологией цельной и бодрящей; беллетрист, осветивший в своих многочисленных рассказах, повестях и романах жизнь галицкого села, давший ряд картин детского мира, зарисовавший тюремный быт, воскресивший на своих страницах историческое прошлое Галичины; критик, меткий и пронизательный; умелый популяризатор; переводчик, ознакомивший галичан с Гейне, Гете, Шиллером, Гюго, Байроном, Сафоклом, Шелли, Достоевским, Гоголем, Некрасовым, Щедриным, Геккелем, Чернышевским и мн. другими; ученый...” [2, с. 297], “глубокую борозду провел он на ниве родной культуры и тем навеки отметил свою прекрасную жизнь” [2, с. 298].

В статье “В. Самийленко”, напечатанной в журнале “Украинская жизнь” (1916), М. Богданович признавался, что он далек от мысли измерять значение поэта количеством написанных произведений. Владимир Самийленко (1864–1925) заинтересовал его как автора, у которого

“во всем – в мастерстве стиха, выборе тем, образов, выражений, в путях и утверждениях неустанно пульсирующей мысли – чувствует себя человек, опирающийся на прочную славную традицию, на ценности, испытанные в горниле веков” [2, с. 302]. Белорусский автор считал, что мироотношение Самийленко основано на юморе, а сам он представитель юмористического мирозерцания, при этом “Самийленко по существу не столько непосредственный участник жизни, сколько ее наблюдатель, хотя и далеко не безразличный к происходящему перед ним” [2, с. 305]. Его поэзия лишена внешней эффектности: “Проста и звукозапись его стихов. Он не гнался за эффектным подбором звуков, не искал аллитераций и внутренних ритмов, то, что у него иногда наблюдается в этом направлении, не играет большой роли и, быть может, является результатом простой случайности” [2, с. 313]. Богданович называл Самийленко, как и себя, поэтом-мыслителем. Этот украинский автор был внутренне близок Максиму Богдановичу, так как его творчество “освещало пути национального дела, вдохновлялось движением национального чувства, проникнутое то пафосом, то юмором, то сарказмом” [2, с. 311]. Владимир Самийленко знакомил своих соотечественников с достоянием мировой литературы, делая талантливые переводы произведений Гомера, Данте, Мольера, Байрона, Беранже, и осознавал себя при этом учеником больших мастеров слова, потому что он активно обращался к классическим формам стиха – сонету, секстине, октаве. Самийленко в украинской, а Богданович в белорусской поэзии много сделал для популяризации формы сонета, требовавшей гармоничного сочетания эмоций и мысли писателя.

Отношение к литературным новациям, собственное понимание современного творчества Максим Богданович позиционировал в статье “Грицько Чупринка”, напечатанной в журнале “Украинская жизнь” в 1916 году. Грицько Чупринка (1879–1921) – писатель-авангардист, испытывавший большое влияние русского и европейского символизма. Для Богдановича “Чупринка – поэт с очень редким, своеобразным типом таланта, линии которого при всей своей несложности крупны, резки и выразительны” [2, с. 316], “исключительно лирический поэт” [2, с. 317], в произведениях которого явственно выступает стихобразующая функция ритма. Ритм Чупринки, по мнению М. Богдановича, гипнотизирует не только читателя, но и самого писателя, “творческие приемы его исключительны по своей остроте, односторонни и довольно немногочисленны, а потому далеко не для всякой цели пригодны” [2, с. 325], а тропы лишены индивидуальности. Между тем троп, в трактовке автора статьи, – “это могучий рычаг поэтического воздействия” [2, с. 318] на чита-

теля. Настоящий писатель обязан постоянно вводить новые темы, содержание же “стихотворений Чупринки – узко, оно быстро было потом разработано, исчерпано, пути пройдены до конца; осталось одно: перепевы” [2, с. 329]. Критикуя творческие просчеты Грицько Чупринки, Максим Богданович считал, что для талантливого автора все поправимо, и предлагал рациональный выход из создавшегося положения: “Содержание можно углубить и расширить, можно создать для него новые приемы, новые средства художественного воздействия – лишь бы не замирал дух искания, не иссякли творческие силы” [2, с. 334]. Максим Богданович был далек от противопоставления новаторов традиционалистам, от огульного осуждения авангардистов, он позиционировал гармоничный союз в литературе смысла и изящной формы, который воплотил в своих произведениях.

Заключение

Обращение к творчеству украинских писателей у Максима Богдановича было направлено на определение их этических и эстетических императивов с целью выявления национальной специфики литературы и ее общечеловеческого содержания; на позиционирование своих собственных представлений об искусстве слова и роли художника, на поиск импульсов, необходимых для дальнейшего развития белорусской литературы. К перспективным креативным импульсам М. Богданович относил глубокую

заинтересованность авторов народной жизнью, разносторонность творческих интересов писателей и сфер художественного осмысления ими жизни, постоянное обновление поэтики, в том числе и через освоение эстетического опыта других литератур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Белецкий, А. И.** В мастерской художника слова / А. И. Белецкий. – М. : Высшая школа, 1989. – 160 с.
2. **Багдановіч, М.** Поўны збор твораў : у 3 т. / Максім Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 2. – 1993. – 600 с.
3. **Лихачев, Д. С.** О филологии / Д. С. Лихачев. – М. : Высшая школа, 1989. – 208 с.

Поступила в редакцию 04.05.2016 г.
Контакты: dvkessibar@mail.ru
(Боровко Ванда Юльевна)

Borovko V.Y. UKRAINIAN WRITERS IN THE LITERARY AND CRITICAL DISCOURSE OF MAXIM BOGDANOVICH.

The research of the works of the Ukrainian writers by Maxim Bogdanovich was aimed at the identification of their ethical and aesthetic imperatives, on the positioning of his own ideas on creativity and the identification of further trends in the definition of the Belarusian literature.

Key words: reception of a work of art, writer's artistic principle, ethical and aesthetic values, Ukrainian writers, Belarusian literature.